

АФФЕКТ, СИМВОЛИЗАЦИЯ И «ПРАКТИКИ СЕБЯ»

И. Б. Микиртумов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Поступила в редакцию 20.08.2025 г.
Принята к публикации 15.10.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-3

Отталкиваясь от некоторых положений статьи Сергея Зенкина, автор описывает связь между аффектом и символом. Аффект имеет две стороны – когнитивную и некогнитивную. Последняя проявляется в неосознаваемых реакциях. Осознаваемый аффект регулируется коммуникативной ситуацией и социокультурной средой. Сергей Зенкин характеризует две системы оборота значений: первая – знаковая коммуникация, вторая – работа с признаками и символами. Символы могут порождаться неосознанно и вызывать такие же реакции. Нарушение движения информации через систему некогнитивных аффектаций приводит к их объективации. Вместо них возникают аффекты, в центре которых оказывается напряжение между источником аффектации и человеком. Первый становится символом отношений, стоящих за аффектом. Переход некогнитивной аффектации в аффект с появлением нового символа автор иллюстрирует примерами из «практик себя» в цифровой среде. Здесь репрезентация вытесняет вещь, и источником некогнитивных аффектаций становятся интерфейс, сеть, аккаунт и т.п. Аффекты надежды, совместности и новой наивности характеризуют напряжение между человеком и цифровой средой. В объективации они становятся символами социального статуса. Тем самым репрезентация и ее инструменты дают ощущение возвышения над миром. Общая модуляция названных аффектов положительна, символы статуса несут значение лучшего будущего, что подталкивает к смещению границы реального и виртуального. Механизм порождения символа при переходе некогнитивной аффектации в нормальный аффект может являться частью третьей системы оборота значений, о которой говорил Ролан Барт.

Ключевые слова: аффект, виртуальное, значение, некогнитивное, семиозис, Сергей Зенкин, сигнал, символ

– Господин доктор, простите, что мешаю, – вы же магистр астрологии, вы разбираетесь в звездах. Скажите... они тут все говорят о комете... с хвостом. Что она может означать?

– Ничего.

– Ничего?

– Газовый пузырь.

– Газовый пузырь?.. Газовый пузырь. Комета – газовый пузырь! Пердеж! Ну, конечно, ясно же, когда небо распучит, получаются кометы. Спасибо, господин доктор!

Из фильма Александра Сокурова «Фауст» (2011), эпизод в кабачке (пер. с нем.)

В очень богатой идеями и полифоничной статье Сергея Зенкина «Чтение знаков, присутствие в мире» (2026) основным сюжетом мне представляется сопоставление двух систем оборота значений. Первая действует в коммуникации субъектов и опосредована конвенциональными знаками. Вторая основана на том, что человек осознанно или же спонтанно и бессознательно рассматривает что-либо, что не является знаком, как «знак», подаваемый при этом нечеловеческим агентом — божеством, природой, историей, обществом, культурой и пр. Агенты эти разнородны, и если, скажем, природа и божество заслуживают доверия, то «знаки» культуры, оставленные людьми, могут отражать их заблуждения или же нести содержание, предназначенное для того, что тебя обмануть. Важно, что реакция на «знак» второй системы может запускаться без рефлексии и постановки вопроса об агенте-отправителе и его целях. Доверие к посланиям «ни от кого» объясняется, по видимому, тем, что «знаки» природы и «знаки» культуры приходят по одним и тем же каналам восприятия, а человеческий род, встречаясь в онто- и филогенезе с природой раньше, нежели с культурой, успевает создать себе привычку реагировать на ее «знаки» непосредственно. С появлением критики — впервые в лице греческих философов — такая практика стала считаться наивной, ставящей под угрозу свободу, а сами «знаки» были дифференцированы. Если за «знаками» культуры стоят другие люди, имеющие, возможно, ложные и вредные для нас взгляды и устремления, то наша задача — этот «знак» истолковать, чтобы обезвредить, «знаки» же природы — это признаки, с которыми должна иметь дело наука, отыскивающая причины явлений. Объективация «знака» второй системы влечет не только блокирование его непосредственного воздействия, но и символизацию той вещи, которая его оказывала. Не только прочтение «знаков», но и их порождение может происходить спонтанно, без рефлексии и намерения что-то кому-то сообщить. В этом случае «знак» и способ его предъявления подбирается семиотической интуицией, а проговаривается в нем либо автономная жизнь тела, либо бессознательное.

В связи с оборотом «знаков» культуры Сергей Зенкин затрагивает «Мифологию» Ролана Барта (2008) и другие его работы, в которых критика развернута как искусство. Критическая установка требует бдительности и воли, поэтому в ситуации, которая кажется комфортной и устойчивой, мы возвращаемся в отчасти докритическое состояние, в «новую наивность» и, легкомысленно ожидая не дурных последствий, но, напротив, опыта «подлинности», отдаемся воздействиям, которые обещают миновать «голову». На фоне цифровизации различных сторон жизни это проблематизирует границу реального и виртуального. Последнее существует в замещающих вещи интерфейсах информационных систем. В этом же направлении меняется и самопрезентация человека, прежде основанная как на символическом, так и на непосредственном. Общая тенденция состоит, как я постараюсь показать ниже, в вытеснении непосредственного воздействия вещей воздействиями самих репрезентаций (интерфейсов), что влечет сдвиг в сфере символического.

Надежное различие реального и виртуального — это одно из условий выживания, любые изменения здесь требуют нашего внимания в рамках «практики себя» или «заботы о себе» (см.: Фуко 2007). Последняя реализуется в перспективе счастья и имеет дело как с семиосферой, так и с аффектами, мотивирующими наши решения и действия. Моя статья посвящена связи аффектов и символизации в контексте отношений первой и второй систем оборота значений. Картина, нарисованная Зенкиным, будет тем самым в части аффектов расширена, а в части символизации детализирована. Некоторые мои соображения перекликаются с идеями языковой экологии и эколингвистики, где язык понимается как непрерывный когнитивно-практический процесс (для него используется особый термин — «оязыковление»), а не применение застывших форм в частных случаях. «Оязыковление» организует жизнь человеческого сообщества, при этом направляя и ограничивая познание, коммуникацию, индивидуальное развитие и эволюцию вида (см.: Kravchenko 2016; Ильин 2025). Системное видение языка как адаптивного механизма и орудия преуспевания человека восходит к Демокриту и Платону, в более поздние времена оно было представлено в разных версиях Фридрихом Энгельсом, Людвигом Нуаре, Людвигом Витгенштейном, Николаем Марром и многими другими авторами, а сегодня к этим идеям добавляются гипотеза Сепира — Уорфа и данные нейрокогнитивных исследований. Все это обостряет критический характер языковой экологии и концепции «оязыковления», которые противопоставляют себя программе Ноама Хомского, то есть «овнешняющим» формальным исследованиям языка. Поль Тибо ставит вопрос в политической плоскости — в духе Барта и Жиля Делёза. Он заявляет, что абстрактные и универсальные модели языка, действуя как рука неолиберализма, не позволяют увидеть живой процесс «оязыковления», формируют ложное представление о языке и его природе и тем самым тормозят развитие языка, а с ним и собственно мышления — последнее лишается свободы схватывания тех когнитивных, ценностных и экзистенциальных напряжений, в которых обнаруживается ложное существо капиталистического мира (Thibault 2020, vol. 2, p. 247–248). Эти положения я обсуждать не буду, но ниже кратко остановлюсь на овнешнении языка в формализации, а также на тезисе о единстве языка и аффекта (Jensen 2014), также происходящем из «экологической натурализации» языка.

Сначала я оттолкнусь от некоторых положений Зенкина и с позиций логической семантики и прагматики уточню значения ряда понятий. После этого я постараюсь показать связь между аффектом и семиозисом. В третьей части статьи я остановлюсь на дифференцирующей роли современных явлений цифровизации и на том, как отношения аффекта и символа обеспечивают семиотизацию в «практиках себя». Моя общая гипотеза состоит в том, что «предзначащим» элементом — материалом или субстанцией, каковая будет служить необходимой опорой для возникновения значения» (Барт 1975, с. 126) в ряде случаев

является переход непосредственного, или некогнитивного переживания в полноценный аффект, при котором стоящий за ним объект становится символом вызывающих напряжение отношений.

1. Признак и символ в перспективе истинности

Логико-семантический анализ структуры и значения простого суждения («Сократ человек») не изменился со времен Аристотеля. Причина этого не в происках цисгендерных белых рабовладельцев или руки неоллиберализма, а в том, что связь языка и мира в некоторых аспектах имеет, подобно законам природы, необходимый характер, определяемый психофизикой человека и материальностью мира. Эта связь отражается в формальных грамматике, логике, семантике и прагматике, на основе которых осуществляется современная машинная обработка языка, постоянно расширяющиеся возможности которой говорят сами за себя. Ее можно считать результатом старинной программы логицизма, восходящей к *mathesis universalis* Георга Вильгельма Лейбница, и к основаниям математики Готлоба Фреге. В центре здесь находятся вычисления. Сегодня под ними понимаются физические операции, выполняемые конечным автоматом по программе, Лейбниц имел в виду просчитывание божественным разумом уравнений, описывающих все факты мира во всех его бесконечных подробностях и динамике, а Фреге, более скромно, — множество истин, доказуемых в формальной арифметике и относительно нее. Ориентация этих теорий на вычисления сделала истину (И) и ложь (Л) значениями предложений, поскольку это обеспечило замену тождественных *salve veritatis*. Хотя проект логицизма провалился, семантическая интуиция, выраженная в словах Фреге «стремление к истине — вот что всегда побуждает нас к переходу от смысла к значению» (Фреге 2000, с. 235), оказалась верной¹. Все формальные инструменты выстроены вокруг истины, в перспективе которой раскрывается значение любого выражения, текста или комплекса, какой бы ни была их коммуникативная цель.

Центральная роль истинности объясняется антропологически. Знание о том, какие положения дел имеют место, а какие — нет, требуется для принятия решений, на основании которых совершаются действия. Их успех или провал имеют цену, поэтому язык и логика должны быть по возможности прозрачными, то есть система синтеза, передачи, интерпретации и обработки сообщений не должна привносить ничего в их содержание. Последнее есть собственно информация — то, что меняет наше эпистемическое состояние. Сообщение, успешно переданное на прозрачном языке, будучи истинным, способствует достижению блага, а будучи ложным, наоборот, этому препятствует. Поскольку мы наилучшим образом видим значение любых выражений в перспективе истинности содержащих их предложений, в ней же мы трактуем и до-

¹ В более поздней фрегеанской традиции смысл предложения — это его про-верка.

семиотические, спонтанные, инстинктивные акты, способствующие движению информации, в которых не используется речь и где значимы сами вещи в поле восприятия, жесты, мимика, вокализация и пр. Для этого все названное должно стать компонентами описания ситуации, которое, в свою очередь, будет выражено имеющим истинностное значение предложением, формализуемым в достаточно богатом языке.

Зачем формализация вообще предпринимается? Ответ на этот вопрос очевиден: ради скорости, точности и масштаба обработки содержаний. Идеалом здесь остается лейбницевский божественный разум, для которого любой факт мира есть вычислимое следствие как исходных характеристик, так и текущего состояния. Может ли формализация мешать свободе языка и мышления? Едва ли. Так называемый искусственный интеллект, воплощающий все формальное, успешно работает в локальных прикладных онтологиях (оптовый склад, электронный магазин, информационная система, движение грузов, документов, корпусы текстов и т. д.), заменяя говорящих людей в обработке конечной и стандартной информации, в принятии решений по инструкциям и в совершении действий по протоколам. Все это происходит с вещами, по поводу которых можно вычислять и между которыми существуют необходимые связи и отношения, воспроизводимые логическим выводом. Отдельная задача — это приспособление той или иной практики к искусственному интеллекту, то есть выявление в ней того, что можно представить формализованно. Но ни на что другое за этими пределами алгоритмические формальные системы не претендуют, и всякое «оязыковление» может быть прозрачно адаптировано вычислимостью в той мере, в какой оно связано с детерминированными фрагментами мира. Когда теоретики «оязыковления» провозглашают ориентацию на материальное, биологическое и телесное, они видят случайность и свободу, а не железную необходимость и принуждение. Делёзианское противопоставление непосредственного и спонтанного телесного несвободе буржуазного сознания, составляющее мотив философско-критического обращения к аффектам (см.: Массуми 2020), есть риторический топ, переворачивающий классическое противопоставление детерминированной материи (тела) свободному духу. Тем самым хотят сказать, что современное сознание (потребительское, буржуазное и т. д.) степенью своей несвободы превосходит любую природную необходимость. Обсуждать этот тезис по существу здесь нет возможности, скажу лишь, что его распространение на сферу языка ничем не оправдано, так как объективные, овнешненные формализацией структуры языка отражают необходимое как раз материального и психофизического (телесного) характера, которое вдобавок никак не связано с капитализмом, поскольку не стало другим со времен Аристотеля.

Со случайным, с миром свободы имеет дело риторика — искусство находить способы убеждения. Риторическое также интерпретируется в перспективе истинности, но цель здесь — не знание, и не прозрачность обработки содержаний. Риторика стремится к убеждению, и фиксирует сложные речевые действия, побуждающие к решениям и поступкам, для которых нет исчерпывающих рациональных оснований. Модель

риторического предполагает стороны, цели и инструменты воздействия, а сфера применения риторики — вопросы политики, права и морали (включая все аспекты блага), где знание невозможно, а имеются лишь мнения. У риторики три точки приложения — *logos*, *ethos*, *pathos* (Аристотель 1978, с. 72 (Rhet. 1378a1–30)), то есть разумность доводов (при неполном знании и вероятностном выводе), доверие к говорящему (его добродетель), а также аффект слушателя, подталкивающий его к принятию решения. Любая коммуникация здесь непрозрачна и на стороне отправителя, и на стороне адресата, одно и то же содержание оказывается более или менее убедительным в зависимости, как правило, от успеха по линиям *ethos* и *pathos*, нежели *logos*. Аффектам принадлежит здесь центральная роль.

Аргументы Томаса Йенсена (Jensen 2014) относительно неразрывной связи эмоций и языка были бы более убедительными, если бы в них были разведены две области функционирования аффективного. Первая, овнешненная риторическим искусством, — это регулируемые социокультурной средой разделяемые реакции, которые публично возбуждаются ораторами с целью склонить слушателей к решениям. Вторая — это более богатая сфера, в которой субъективные проекции аффектов из первой сферы соседствуют с индивидуальными осознаваемыми и неосознаваемыми телесными аффектациями. Любое человеческое действие имеет под собой аффективное основание, то есть напряжение между актуальным и желаемым, образующее некоторое «страдание» и указывающее избавление от него в действии. К говорению или «оязыковлению» это относится в той же мере, что и, скажем, к почесыванию. Иначе обстоит дело с публичной сферой, с аффектами, которые вызываются в нас языковой коммуникацией или же «знаками» культуры. Они представляют собой результат воздействия образов, вызванных речью в первой системе оборота значений, тогда как коннотативные значения и вторая система действуют на втором плане. Граница между двумя областями аффективного размыта, и есть множество гибридных и переходных форм, но мы хорошо видим формы крайние. На одной стороне — неприятные или приятные аффектации, вызванные состояниями тела (тепло, холод, напряжение, расслабление, боль, щекотка, голод, сытость и пр.), на другой, например, — аффекты, которые вызывает оратор. Приятное и неприятное разделяемого аффекта редуцируется к приятному и неприятному индивидуального психофизического, то есть страх, например, эпидемии или безработицы есть страх тех или иных физических и моральных страданий. Приятное и неприятное в индивидуальной психофизике может иметь множество вариантов: в конце концов кому-то нравится спать на гвоздях, но непосредственные психофизические реакции остаются для аффективной сферы точками отсчета. Здесь нет мотивации говорения как действия, но, как я покажу ниже, здесь возникает основание для семиозиса, то есть для возникновения отношения обозначения.

Теперь, в порядке некоторой полемики с концептуальной системой статьи Зенкина, можно лучше дифференцировать признаки и символы

как «знаки», соответственно, природы и культуры¹. При этом я следую логической традиции, которая не использует пару означающее — означаемое Фердинанда де Соссюра, так как дескриптивно-психологическое наполнение означаемого невозможно сделать компонентом познавательных операций.

Признак артикулируется в теории, это наблюдаемое свойство, свидетельствующее о ненаблюдаемом — привходящем или существенном². Во втором случае они свидетельствуют с необходимостью, как логики и границы о государстве, а в первом — с вероятностью: «эта женщина беременна, потому что она бледна»³. В обоих случаях связь между признаком и явлением — это результат познания. Признак поэтому не является ни знаком, ни сигналом, ни значением, он не связан отношением обозначения и «означает», «символизирует», «указывает» лишь метафорически. Определения, синонимия и иные отношения признаков регулируются не языковыми или семантическими факторами, а постулатами значения, которые несет с собой конкретная теория. Символ, или элементарный вторичный знак, наделяется функцией обозначения разными путями. Иногда это спонтанное действие семиотической интуиции, иногда — традиция и обычай, иногда — конвенция. При этом символ и обозначаемое связаны по схемам тропов метафоры, метонимии, синекдохи или их комбинаций. Канонические примеры — это геральдика, «язык цветов», «язык жестов» и т. п. В культуре действуют свои постулаты значения, включающие коннотации терминов и отражающие сложившиеся мнения. Эти постулаты фиксируют, в частности, что красные розы, помимо того, что они являются тем, чем являются, в определенных ситуациях означают страстные чувства. «Второе» значение поэтому есть сумма «первого» — собственно красных роз — и способа презентации — букет, а не куст, свежие, а не вялые, упаковка, время, место, фразы, ситуация. Иными словами, по своей функции символ подобен признаку, но символ зависит от тропа и отсылает к социокультуре, а признак — от знания о причинах и отсылает к науке. Символы выходят из оборота, когда исчезает аффективное напряжение между языковым сообществом и обозначаемым, признаки — когда наука находит новые, более достоверные, и по отношению к старым исчезает аффект преследования истины. Считывание символов может происходить помимо рефлексии, работа с признаками, напротив, всегда осозанна. Кроме того, символы создаются людьми иногда спонтанно и бессознательно, признаки же являются результа-

¹ Придется оставить в стороне вопрос об их дифференциации. Предельный натуралистический подход объявляет концепт «культура» несостоятельным и редуцирует все под него подпадающее к материально-телесному. Для отношений аффекта и семиозиса это, однако, не важно, так как и то, и другое не конструируемы, а явления, едва ли устранимые при любой перекройке теории.

² Здесь я следую эссенциалистской традиции, которая, однако, хорошо адаптируется и к формальному анализу языка.

³ Пример Аристотеля (*Analyt. Pr. 2, 27, 70a20*).

том труда. И конечно, мы не всегда знаем, что перед нами — признак или символ, так как не всегда знаем, что стоит позади — природа или культура.

2. «Пат» замещается аффектом, и возникает символ

Во второй системе оборота значений порождение и воздействие символов может происходить некогнитивно. То же самое имеет место и в проявлениях наших аффективных реакций. Согласно теории, восходящей к Чарльзу Дарвину (1953) и Сильвану Томкинсу (Tomkins 1962), и разделяемой многими авторами с древних времен, аффективный ответ содержит некогнитивный и когнитивный компоненты. Первый — это аффектация в узком смысле слова, спонтанная немедленная реакция, или «страдание» (*pathos*), возникающая в ответ на обстоятельства и проявляющаяся телесно, — тот «язык тела», сокрытие знаков которого требует специальных упражнений. Второй — сложившаяся практика осознанных реакций, определяемая социокультурным контекстом и подчиненная коммуникативным задачам. Сталкиваясь с одним и тем же явлением, мы, испытывая спонтанную аффектацию, можем пережить или не пережить сам аффект в зависимости, во-первых, от того, в какой мере была задействована рефлексия, и, во-вторых, от того, насколько переживать аффект в данной ситуации целесообразно. Много точных и практически полезных наблюдений на этот счет дает Аристотель во второй книге «Риторики», а в эпоху сентиментализма тема управления аффектами и их экономики была одной из самых популярных¹.

В литературе нет единства терминологии, и я буду придерживаться философской традиции, идущей от Аристотеля к Морису Мерло-Понти (1999), Жану-Полю Сартру (1984) и так называемому аффективному повороту (см.: Clough, Halley 2007). Полным аффектом здесь (без дифференциации некогнитивной и когнитивной сторон) можно считать «то, под влиянием чего люди изменяют свои решения» (Аристотель 1978, с. 72 (Rhet. 1378a20)). Это самое старое, но и наиболее универсальное определение, с которым определения других авторов, по моим наблюдениям, всегда согласуются. Перечислю некоторые аффекты: гнев, милость, страх, смелость, дружба, вражда, любовь, ненависть, соревновательность, зависть, негодование, надежда, отчаяние, алчность, насилие, жажда славы, ревность, ностальгия, ресентимент. Структура аффекта представляется мне четырехчастной: 1) обстоятельства, вызывающие аффект; 2) эмоциональная оценка — позитивная (приятное) или негативная (неприятное); 3) установки желания, знания, мнения, веры и пр.; 4) решение о действии, которое снимет аффект, и мотивация к нему.

¹ Классический труд принадлежит Френсису Хатчесону (1694–1746), который различал «ашпетиты» (телесные аффектации), мнения (о плохом и хорошем) и собственно страсти, зависящие от мнений (см.: Hutcheson 2002).

Суть некогнитивности, или «автономии», аффекта (Массуми 2020) в том, что положение дел, предмет, свойство и, в общем, что угодно, способно вызвать в нас спонтанный психофизический и, возможно, чисто телесный ответ помимо и даже вопреки содержанию сознания. Например, в эксперименте при демонстрации изображений, наполненных символами покоя, счастья, надежности в поле зрения мимолетно оказывается некий выпадающий из видеонарратива объект — кладбище, виселица, фабричная труба, труп животного. О нем потом не могут вспомнить, но в момент восприятия он вызывает фиксируемую приборами негативную психофизическую реакцию. Здесь напрашивается ссылка на бессознательное и вытесненное, однако, и это любопытно, теория аффектов держится в стороне от психоанализа, поскольку хочет опереться на прежде оставшуюся без внимания самобытную жизнь тела вне всякой зависимости от сознаваемого и того, что может таковым стать, но уклоняется (Leys 2011, р. 440–441, 458–459). Предлагаемые объяснения отсылают к инстинктивным реакциям, сформированным в эволюции человеческого рода, а также к глубоко укоренившимся привычкам, как, например, это имеет место в случае жестов гнева, радости и пр. (Мерло-Понти 1999, с. 50, 241). Их число конечно, а генезис случаен, что обосновывал на множестве наблюдений еще Дарвин: собаки виляют хвостом, когда радуются, а кошки — когда раздражены (Дарвин 1953, с. 770–771). Движение информации идет в некогнитивных реакциях без того, чтобы кто-то осознанно был ее отправителем или получателем, поэтому здесь нельзя говорить ни о знаке, ни о символе, ни о признаке. Перед нами имеющие вид конфигураций тела сигналы¹ в некоторой системе, элементами которой являются особи и их специфические состояния. Я рискну ввести для таких некогнитивных аффектаций новый термин — *пат* (от *pathos*).

Испытывая раздражение, собака выгибает спину, что мы распознаем как признак ее состояния, а кошка не распознает, но *индуцируется* страхом. Это происходит и с человеком, когда, например, внезапно появляется «ужасное лицо» (Сартр 1984, с. 135). Индукция — это метафора для неясного нам механизма распространения пата от одного существа к другому. Человек способен задействовать рефлексию, увидеть изменение своего состояния и объективировать пат как некогнитивную аффектацию, но не всегда делает это, поскольку сигнальная система патов, пока она не привела к неудаче, очень экономна, — можно буквально «ни о чем не думать». При объективации пат получает именование и становится компонентом языкового сообщения на первом уровне оборота значений, где семантизируется, а на его месте формируется аффект, содержание которого определяется социокультурным контекстом. Так, один и тот же пат, индуцированный «ужасным ли-

¹ Сигнал является элементом (этапом) познавательной процедуры, выступающей в роли смысла. И и Л — это сигналы, которыми завершается проверка предложений. Сигналы, соответствующие смыслам выражений других типов (имен, предикатов и пр.), представляют собой сообщения об эпистемических состояниях.

цом», породит разные аффекты, когда в одном случае его причиной будет назван призрак, а в другом — оптическое искажение. Результатом семантизации пата становится то, что его индуктор — другое существо или вещь — становится символом, а сама индукция ослабевает или исчезает вовсе.

Приведу несколько примеров. В системе родители — дети первые и основополагающие связи содержат паты, которые с ростом детей теряют объективируются и замещаются аффектами¹. Провинившийся старшеклассник, которого ввели на заседание педсовета, будучи индуцирован патами присутствующих, сначала не в силах произнести ни слова, но «овладевает собой», когда подвергает рефлексии свое состояние, осознаёт свой страх и принимает решение ему противодействовать. Примером парадоксальной коллективной индукции была попытка бойкота группой студентов одного из университетов встречи с известным режиссером². Ее спровоцировала построенная на вымысле рекламная кампания, в которой утверждалось, что в фильме режиссера достигнута аутентичность изображения эпохи, что актеры месяцами вживались в декорации, одежду, предметы быта и даже нравы, что все изображаемое есть то, что оно есть, в частности кровь, и т.п. Члены группы вновь и вновь индуцировали друг друга доверием к видеоряду, их рефлексия не распространялась ни на него, ни на лежащий на поверхности провокационный характер рекламных анонсов. Когда выяснилось, что кино — это не более чем кино, паты ушли, на их месте остались аффекты разочарования в себе и подавленного гнева в отношении других членов группы. Впрочем, вся ситуация доставила студентам довольно редкий для современной жизни опыт дистанции между патом и аффектом, а также опыт переживания оказавшейся мнимой автономности, то есть тождества знака (символа) и обозначенного³.

Если паты — это сигналы, то что является сигнальной системой? Как известно, возможностью некогнитивно «считывать» состояние другого обладают многие существа. Цвет, температура, производимые звуки, выделяемые пахучие субстанции, вибрация, движения особи — все работает как сигнал. Так, пчела, движениями показывающая направление к медоносам и расстояние до них, не «показывает», то есть не осуществляет знаковой деятельности, но выполняет некоторый алгоритм, в котором такие-то движения там-то есть результат обнаружения таких-то медоносов в другом месте. О разнообразных сноровках животных и растений накоплено очень много информации, и других объяснений, кроме сводящегося к случайностям и эволюционному отбору, наука не дает. По-видимому, на этом пути можно найти объяснение и

¹ В зависимости от социокультурной среды — устойчивыми или неустойчивыми. Тема распада связи между детьми и родителями, их отчуждения вплоть до вражды очень популярна в искусстве.

² Детали опускаю.

³ Возмущавшее Барта тождество означающего и означаемого в данном случае неудачно имитировалось, причем в отсутствие коннотаций и символизации.

для когнитивных практик людей. Несомненно, что система некогнитивных аффектаций улучшает шансы популяции, группы и особи на выживание, и тогда естественно предположить, что над ней потом надстраивается уже и сигнификация. В этом случае переход пата в аффект ведет к приданию телесной (наблюдаемой) конфигурации индуктора статуса символа, а при участии теоретической науки — также и статуса признака.

3. «Практики себя» и семиотизация цифровой среды: символы статуса

Семиотизация пата происходит тогда, когда по каким-либо причинам нарушается движение информации посредством сигналов, когда оно дает сбой и от этой экономной системы приходится отказываться в пользу осознанной сигнификации. Такое воздействие оказывает цифровизация, когда вещи замещаются репрезентациями в интерфейсах информационных систем. Всякая репрезентация, во-первых, фрагментарна и префигурирована, так как дается в аспекте и с акцентировкой, во-вторых, ограниченно функциональна, то есть предлагает одни взаимодействия с вещами, оставляя в стороне другие. Цифровая среда поэтому существенно снижает интенсивность непосредственного, объективирует его и замещает символическим. В качестве иллюстрации приведу мир, видимый в фильмах Уэса Андерсона¹, визуальная эстетика которых основана на замещении вещей репрезентациями. Это мир нарочито условен — «как бы Вы это ни сделали..., постарайтесь, чтобы это звучало так, как будто Вы написали это намеренно»². Камера фиксирует, как правило, изображения вещей, а не вещи, их открытые имитации или же вещи насколько возможно препарированные, — среди них оказываются и тела актеров. «Натура» не просто подсвечивается и «припудривается», чего мы обычно ожидаем от реализма камеры, но стремится убежать в рисунок, анимацию, графему. Непосредственное репрезентируемой вещи вытеснено непосредственным самой репрезентации, которая уже имеет символический характер. Получается, что пат, индуцируемый символом как таковым, обеспечивает объективацию пата, индуцированного самой вещью, после чего возникает два аффекта. Один питается напряжением, связанным с вещью, другой — напряжением, связанным с ее репрезентацией, и последний аффект всегда положителен, по крайней мере об этом заботится вся индустрия дизайна, и аффект, связанный с вещью, остается поэтому на заднем плане. Аффект же, в центре которого находится сама репрезентация, делает ее символом. Но чего? На мой взгляд, здесь мы имеем дело с *символом статуса*, который отсылает к декоративности, украшательству,

¹ Например, в фильмах “The French Dispatch of the Liberty, Kansas Evening Sun” (2021), “Asteroid City” (2023), “The Phoenician Scheme” (2025).

² Из фильма “The French Dispatch of the Liberty, Kansas Evening Sun” (2021).

живописности, художественности, стильности, то есть к эстетическим признакам высокого социального положения, которому синонимично максимальное возвышение над вещами как таковыми.

Репрезентация символами вещей (которые могут вести себя как хотят) заменяется репрезентацией символами инструментов эстетизации этих вещей, где все просчитано и управляемо. В самом деле, из истории пропаганды мы знаем, что надежное и предсказуемое воздействие на людей производят не подлинные или, например, бережно отреставрированные артефакты, могущие сообщить что-либо сами по себе и индуцировать паты, а плоские и однозначные подделки, лишённые всего непосредственного. Когда в художественной инсталляции предъявляют сами вещи наравне с их имитациями, мы понимаем, что в опыте, в котором неважны свойства вещей, делающих их тем, что они есть, различия между первым и вторым не существует, а когда оригинал специально маркируют, мы можем даже обнаружить, что имитация достигает своей цели лучше, подобно тому как искусственные ароматизаторы превосходят естественные. Запах трюфеля в отсутствие трюфеля индуцирует тот же пат, что и в его присутствии, но совсем разными будут в этих случаях аффекты. Это подрывает значимость пата, заставляет рефлексию ставить вопрос о доверии к нему и толкает пат в направлении аффекта. Таков результат избыточной репрезентации, которую несет с собой, в частности, цифровая эпоха: она то тут, то там нарушает работу старых сигнальных систем патов, так что первые становятся добычей рефлексии. В «Очерке теории эмоций» Сартр справедливо указывает на то, что мы верим аффекту (1984, с. 135–136). Учитывая, что сознаваемые аффекты конвенциональны и управляемы, требуемую достоверность приносит стоящий за ними пат, из которого аффект вырос. Если цифровая среда лишает нас доверия к патам вещей, мы остаемся лишь с управляемыми аффектами, отвечающими в том числе и на проявления самой репрезентации, которая одна только может теперь воздействовать на нас непосредственно. Какими бы странными ни были паты, индуцируемые интерфейсами, они вызывают «магнетическую» привязанность к себе. Что это за паты и в какие аффекты они перерастают?

Паты не поддаются мимесису, они осуществляют трансфер посредством индукции, или «заразительности». Мимесису поддаются, однако, признаки аффекта, который возник на месте объективированного пата. И то и другое мы пытаемся регулировать в аффективной экономике, в рамках «практики себя», когда взвешиваем, стоит ли нам отдаваться тому или иному аффекту и, если да, то до какой степени. Здесь мы поддерживаем внутреннюю и внешнюю идентичности, проводим границы между собой и другими существами, институтами, ментальными сущностями. Интерфейсы дают опции для доступа к репрезентациям вещей, что позволяет мне, «практикуя себя», избегать неприятного: я выключая звук или изображение, выбираю только те вещи и среды общения, которые доставляют мне удовольствие, и не пытаюсь увидеть их целиком, чтобы не наткнуться на что-то неожиданное и разочаровывающее. Для этого я каждый раз запускаю аффект как будто в пробном режиме, то есть формирую предварительную реакцию на фрагмент

явления, чтобы решить, стоит ли иметь с ним дело. Но в цифровой среде все буквально создано для этого — в частности, вещи фрагментируются, их аспекты даны в интерфейсах по отдельности. Это, кстати, позволяет современным медиа производить продукты, приемлемые для всех потребителей, так как каждый находит в них приятное для себя, имея возможность «отключить» неприятное. Один их патов интерфейса — это обещание комфорта и удовольствия, заставляющее, в первую очередь детей, поминутно хвататься за гаджеты. Этот пат трансформируется в аффект *надежды*, легко поддающийся устранению ввиду зыбкости основания, а интерфейсы и гаджеты превращаются при этом в символы столь же эфемерного удовольствия как самопародийный *car-go-культ*.

Другая связка пат — аффект — символ возникает вокруг того, что Жан-Люк Нанси назвал *совместностью*. Это «страсть» к сообществу, к «бытию *вместе*», отражающая сущностную характеристику человека. Ее основание Нанси предлагал искать в онтологии или в антропологии (2013, с. 29), и в этом выборе мне кажется более надежным понимать совместность как аффект и объяснять ее в терминах биологического и телесного. Само сообщество получает у Нанси негативное описание. Оно обнаруживает себя в своем «прерывании», которое развивается примерно так: первичное непосредственное пребывание в сообществе однажды нарушается, и мы ощущаем, что потеряли нечто основополагающее. Затем следует попытка вернуться назад путем установления коммуникации с другими, которая приводит всегда к разочарованию. Обнаруживается, что вернуться к первоначальному единству нельзя и что, кроме того, само бытие других определяется не сообществом, а силами вне него (Нанси 2011, с. 115–116). Непосредственно переживавшееся потеряно, а осознанное необретаемо, что делает аффект совместности всегда тлеющим, а само сообщество превращает в символ недостижимого снятия противоречий.

«Умаление» общего, дезинтеграция, атомизация обществ модерна не вызывают возражения в критической установке, что не снимает дефицита непосредственного. Его тревожное переживание овнешняется в аффектах искусством абсурда и антиутопии, популярность которых нарастает весь послевоенный период (Fitting, Greenspan 2021). В нем также разоблачаются проекты стимулируемой извне интеграции, за которыми видятся посягательства на свободу, в то время как движение, основанное на патах совместности, напротив, должно свободу и сообщество бесконфликтно примирить. Совместность политична в основополагающем смысле, она выходит за рамки любого вопроса текущей повестки, поэтому работу с аффектом совместности ведет искусство, культивирующее тему «чистых» отношений, — без объективации или «использования» другого. Поскольку таких отношений не бывает, а антиутопия есть не более чем развернутая эстетизированная символизация тревоги и страха, в обоих случаях реальное вытесняется виртуальным. Для формирования же в связи с аффектом совместности соответствующего ему концепта недостает языка, и у Нанси можно видеть феноменологию восприятия, которой управляют идея соотнесенности

вещей (мотылек и летучая мышь — у Иоганна Вольфганга Гёте), историческое формирование «народа» как среды обращения «смысла» (по Мартину Хайдеггеру) либо же описания сообществ в терминах научной социологии.

Аффект совместности обнаруживает себя в условиях «умаления» институционального публичного и, вопреки критической установке, в стремлении к сетевой коммуникации, в которой недостижимо индуцирование патами людей, поскольку участники скрыты репрезентациями. Перед нами маски и характеры, что переводит коммуникацию в игровой и экспериментальный регистр. В нем нормальным может сделаться прежде пограничное или патологическое. Нарциссизм и фетишизм, роли трикстера и джокера прошли этот путь. Откровенные нарциссы забавляют публику, индуцируют ее эгоцентризмом не только в сценарии успешности, но и в сценарии поражения. В последнем случае культивируется уже ранимость, обслуживаемая антидепрессантами и психотерапевтами, урон которой могут нанести любые отклонения от привычного хода жизни. Поэтому и борьба с противоположным мнением сводится к попыткам его «выключить», заткнув уши себе или рот другому. Фетишизации же подвергается потребление не только материального, но и аффективного. Испытать удовольствия и страдания разного рода — это часть продвинутого опыта, лишиться которого означает выпасть из тренда. И сфера труда, и сфера досуга превращаются в поле соревнования за игровые состояния в диапазоне от «умер на работе» до «погрузился в нирвану». Нарциссические и фетишистские формы поведения требуют при этом однородной и прозрачной среды, в которой можно было бы продемонстрировать себя и свои успехи, а также видеть других. Эти изводы совместности вульгарны, но они создают широкий диапазон коммуникаций, лишенных непосредственного, что лишь усиливает его нехватку.

Еще одним примером служит позитивная или негативная эмпатия. Сочувствие другому или стыд за него ведут к решению и действию, как правило, при воздействии патов. Когда подлинное состояние другого сообщается непосредственно, формирует свое собственное, которому невозможно не верить. Но радость, страдание или промах маски находятся в системе символов, так что ответом на них становится рациональное действие, тем более взвешенное, чем яснее символический характер контрагента. Часто этот ответ чрезмерен или недостаточен по отношению к норме, соответствующей существу дела. Дело в том, что конкретные условия запуска того или иного аффекта определяются теперь в соотношении репрезентированной ситуации с ее реальным прототипом. Если кто-то просит о материальном вспомоществовании, мы вспоминаем случаи, когда при действительном контакте с человеком оказали его или нет, потому что были индуцированы патом. Но существо дела теперь оказывается на втором плане, а на первом — удержание той вовлеченности в виртуальные квазисообщества, которой достаточно для обслуживания аффекта совместности. Иными словами, быть «на плаву», «вровень», воспринимающим и воспринимаемым, признаваемым и признающим — вот цели, которые достигаются в сете-

вой коммуникации без включения патов и при ясном понимании того, что они не действуют. Аффект совместности, таким образом, с одной стороны, подталкивает к поиску осмысленной и ответственной интеграции, а с другой — приводит к формированию квазисообществ, в которых обкатываются экспериментальные формы идентичности, становящиеся при своем выходе в реальность аффективно односторонними, поскольку маски не индуцируют паты. Это делает их анализ простым, а когнитивную терапию массовой, и вместе с тем увеличивается ценность непосредственного, лучше виден его дефицит, обнажается неполнота и неподлинность жизни. Рефлексия сопоставляет этим патам символ сетевой коммуникации как одиночества, мнимой связи, иллюзорности, вслед за чем появляется то, что можно назвать аффектом *новой наивности*. В нем ответом на неподлинность «цифрового существования» становится стремление к снятию преград между собой и другими в «новой близости», вокруг которой выстраивается специфическая этика. Аффект новой наивности тестируется удаленно, в той же цифровой среде, но, в отличие от аффекта надежды, он более устойчив, хотя его снятие представляет собой непростую коллективную задачу.

«Практики себя» в цифровой среде строятся вокруг описанных аффектов надежды, совместности и новой наивности. Есть, конечно, и другие, но тут нет места вести о них речь. Общая эмоциональная модуляция умеренно позитивная. Как я постарался показать, все три аффекта возникают в условиях блокирования патов, порождаемых вещами и людьми, так что непосредственное воздействие оказывают уже стороны самой цифровой среды. Первый пат индуцирован эстетизацией интерфейса, второй — дезинтеграцией, третий — «цифровым одиночеством», и при их замещении аффектами происходит семиотизация соответствующих явлений и возникают символы высокого статуса — интерфейс, сеть и аккаунт¹, вместе конституирующие иллюзию возвышения над реальностью и тем самым смещающие границу реального и виртуального.

4. Заключение

Трудно сказать, можно ли сделать связку пат — аффект — символ основанием некоей третьей системы оборота значений, о которой говорил Барт, или скорее всего все сказанное укладывается как уточнение в картину двух систем, описанных Зенкиным. Но вместе с тем, если мой анализ отчасти верен, то он ведет к одному из механизмов символизации. Здесь нарушение движения информации в сигнальной системе патов подталкивает к их объективации. Последняя требует отношения обозначения и связи через троп с обозначаемой вещью. Индуктором пата является сама вещь (явление), поэтому символом становится такой ее образ, который в текущем контексте позволяет вещь уверенно идентифицировать. На что указывает вновь возникший символ? Ответ на этот вопрос можно получить путем анализа аффекта, который прихо-

¹ Наверное, есть более яркие символы «жизни в сети», но мне они неизвестны.

дит на смену пата. В центре этого аффекта находится проблемное отношение, возможно, с прошлым и предвосхищаемым будущим своего развития. Оно символизируется лишь тогда, когда понимается как реальное и значимое, то есть когда аффект имеет высокую степень напряжения. Она прямо обуславливает также устойчивость символизации и ее распространение в семиосфере. Так, в современных «практиках себя» ответом на компьютерное виртуальное становится, как я пытался показать выше, символизация самих инструментов репрезентации, самопрезентации и сетевой коммуникации, которые как символы статуса отсылают к эстетическим проявлениям высокого положения и социальной динамики. И то и другое образует положительный аффективный фон возвышающего настоящего и будущего, что подталкивает к сдвигу границы реального и виртуального в сторону последнего. Этим путем аффект через сферу семиозиса оказывает воздействие на воображение.

Представлены результаты исследований по проекту «Человек в цифровой среде: инклюзивные и адаптивные стратегии культуры, биополитика и биосемиотика» (ФИ-2025-74), выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

Список литературы

- Аристотель, 1978. Риторика. *Античные риторики*. М., с. 15–165. [Aristotle, 1978. *Rhetorics*. In: *Ancient Rhetorics*. Moscow, pp. 15–165 (in Russ.)].
- Барт, Р., 1975. Основы семиологии. *Структурализм: «за» и «против»*. М., с. 114–163. [Barthes, R., 1975. *Foundation of semiology*. In: *Structuralism: "pro" et "contra"*. Moscow (in Russ.)].
- Барт, Р., 2008. *Мифологии*. М. [Barthes, R., 2008. *Mythologies*. Moscow (in Russ.)].
- Дарвин, Ч., 1953. Выражение эмоций у человека и животных. *Сочинения*. Т. 5. М., с. 681–921. [Darwin, Ch., 1953. *The Expression of the Emotions in Man and Animals*. In: *Works*. Vol. 5. Moscow, pp. 681–921 (in Russ.)].
- Зенкин, С. Н., 2026. Чтение знаков, присутствие в мире (Двойная перспектива семиотики). *Слово.ру: балтийский акцент*, 17 (1), с. 13–35. [Zenkin, S. N., 2026. Reading signs, presence in the world. (The double perspective of semiotics). *Slovo.ru: Baltic accent*, 17 (1), pp. 13–35 (in Russ.)] <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2026-1-2>.
- Ильин, М. В., 2025. Прагматика семиозиса и оязыковления. *Слово.ру: балтийский акцент*, 16 (3), с. 7–29. [Ilyin, M. V., 2025, The pragmatics of semiosis and linguisation. *Slovo.ru: baltic accent*, 16 (3), pp. 7–29 (in Russ.)] EDN: KNNOXZ, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-3-1>.
- Массуми, Б., 2020. Автономия аффекта. *Философский журнал*, 13 (3), с. 110–133. [Massumi, B., 2020. The autonomy of affect. *Philosophy Journal*, 13 (3), pp. 110–133 (in Russ.)] EDN: GRPPAN, <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-3-110-133>.
- Мерло-Понти, М., 1999. *Феноменология восприятия*. СПб. [Merleau-Ponty, M., 1999. *Phenomenology of Perception*. St. Petersburg (in Russ.)].
- Нанси, Ж.-Л., 2011. *Непроизводимое сообщество*. М. [Nancy, J.-L., 2011. *The Inoperative Community*. Moscow (in Russ.)].
- Нанси, Ж.-Л., 2013. Бытие-вместе и демократия. *Топос*, 2, с. 18–29. [Nancy, J.-L., 2013. Being together and democracy. *Topos*, 2, pp. 18–29 (in Russ.)].
- Сартр, Ж.-П., 1984. Очерк теории эмоций. *Психология эмоций. Тексты*. М., с. 120–137. [Sartre, J.-P., 1984. *Essay on the theory of emotions*. In: *Psychology of emotions. Texts*. Moscow, pp. 120–137 (in Russ.)].

Фреге, Г., 2000. О смысле и значении. *Логика и логическая семантика: Сборник трудов*. М., с. 230–246. [Frege, G., 2000. Über Sinn und Bedeutung. In: *Logic and logical Semantics: Collected Papers*. Moscow, pp. 230–246 (in Russ.)].

Фуко, М., 2007. *Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франсе 1981–1982 учебном году*. СПб. [Foucault, M., 2007. *The Hermeneutics of the Subject. A lecture course given at the Collège de France in the years 1981–1982*. St. Petersburg (in Russ.)].

Clough, P.T. and Halley, J., eds., 2007. *The Affective Turn. Theorizing the Social*. Durham.

Fitting, P. and Greenspan, B., 2021. *Utopian Effects, Dystopian Pleasures*. Oxford.

Hutcheson, F., 2002. *An Essay on the Nature and Conduct of the Passions and Affections, with Illustrations on the moral Sense*. Indianapolis.

Jensen, T.W., 2014. Emotion in languaging: languaging as affective, adaptive, and flexible behavior in social interaction. *Frontiers in Psychologies*, 5. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.00720>.

Kravchenko, A.V., 2016. Two views on language ecology and ecolinguistics. *Language Sciences*, 54, pp. 102–113, <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2015.12.002>.

Leys, R., 2011. The Turn to Affect: A Critique. *Critical Inquiry*, 37 (3), pp. 434–472, <https://doi.org/10.1086/659353>.

Thibault, P.J., 2020. *Distributed languaging, affective dynamics, and the human ecology*. Vol. 1: The sense-making body. Vol. 2: Co-articulating self and world. Routledge.

Tomkins, S., 1962. *Affect Imagery Consciousness*. Vol. 1: The positive affects. New York.

Об авторе

Иван Борисович Микиртумов, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-9382-249X

SPIN-код РИНЦ: 9100-4626

E-mail: imikirtumov@gmail.com

Для цитирования:

Микиртумов И. Б. Аффект, символизация и «практики себя» // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №1. С. 36–53. doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-3.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

AFFECT, SYMBOLIZATION, AND “PRACTICES OF THE SELF”

Ivan B. Mikirtumov

HSE University,
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

Submitted on 20.08.2025

Accepted on 15.10.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-3

Based on some of the states of Sergey Zenkin's article, I describe the relationship between affect and symbol. Affect has two sides – cognitive and non-cognitive. The latter manifests itself in unconscious reactions. Conscious affect is regulated by the communicative situation

and the sociocultural environment. Sergey Zenkin describes two systems of meaning circulation. The first is sign communication, the second is working with features and symbols. Symbols can be generated unconsciously and evoke similar reactions. Disruption of the flow of information through the system of non-cognitive affectations leads to their objectification. Affects arise in their place, centred on the tension between the source of the affectation and the individual. The former becomes a symbol of the relationship underlying the affect. I illustrate the transition from non-cognitive affectation to affect with the emergence of a new symbol with examples from "practices of the self" in the digital environment. Here, representation displaces the thing, and the source of non-cognitive affectations becomes the interface, network, account, etc. Affects of hope, togetherness, and a new naivety characterise the tension between the individual and the digital environment. When objectified, they become symbols of social status. Thus, representation and its tools evoke a sense of elevation above the world. The overall modulation of these affects is positive; status symbols convey the meaning of a better future, which encourages a shift in the boundaries between the real and the virtual. The mechanism of symbol generation during the transition from noncognitive affectation to normal affect may be part of the third system of meaning circulation discussed by Roland Barthes.

Keywords: affect, meaning, noncognitive, semiosis, Sergey Zenkin, signal, symbol, virtual

Acknowledgments. The research presented in this article was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Programme (2025) under the project "Human Being in the Digital Environment: Inclusive and Adaptive Strategies of Culture, Biopolitics, and Biosemiotics" (FI-2025-74).

The author

Prof. Ivan B. Mikirtumov, HSE University, Saint Petersburg, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-9382-249X

E-mail: imikirtumov@gmail.com

To cite this article:

Mikirtumov, I.B., 2026, Affect, symbolization, and "practices of the Self", *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 1, pp. 36–53. doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-3.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))